

Старообрядцы по требованию

Семейские староверы готовы честно рассказать любопытным о традиционном укладе своих предков. Но слишком близко к своей настоящей жизни чужака не подпустят.

Праздничный женский костюм семейских староверов состоит из нескольких слоев: рубаха станушка, круглый сарафан, фартук. На голове замужней женщины — кичка, обмотанная платком-атласом, поверх кички — бусины и цветы, на груди — несколько ниток янтарей: чем крупнее, тем лучше

«Ну-ка, Надя, давай покажем, как играют на ложках!» — говорит Галина Павловна. Надя, ее внучка, послушно садится на стул, расправляет складки сарафана и кивает в знак готовности. Семья Фадеевых из села Большой Куналей специально для меня исполняет песню «Ах вы, сени, мои сени».

Надя виртуозно владеет инструментом — быстро и ритмично бьет ложками о ладонь, делая выпады по плечам и ногам. Людмила, ее мама, не менее виртуозно охает на самых разудалых тактах. Основную партию исполняет Галина Павловна, у нее глубокий и сильный голос. Все, что я знала о русской песне с детства — от беспросветного советского телевидения с его любовью ко всему народному и от детсадовских воспитательниц с их обязательной программой эстетического развития, — оказалось правдой. Довольно неожиданной, учитывая, как далеко я заехала в поисках настоящего, а не телевизионного фольклора.

Большой Куналей — старообрядческое село из тех, что возникли в Забайкалье в 1760-е годы. При Екатерине II из восточной части Польши были изгнаны и отправлены в Сибирь прятавшиеся от российской власти раскольники. Под конвоем казаков староверы многие годы двигались на восток и расселились по Алтаю, Хакасии, Забайкалью, дойдя до Амура. Тех, кто остановился и до сих пор живет в районе Улан-Удэ и Читы, прозвали семейскими (одна из версий — потому что мигрировали и расселялись целыми семьями).

Пока я судорожно соображаю, как себя вести, песня заканчивается и Галина Павловна начинает экскурс в историю. С «Сенями», рассказывает, встречали у ворот гостей на свадьбу, только били не в ложки, а половником по снятой с печи заслонке, чтобы всему селу было слышно. Так, прибыв к истокам телевизионных штампов, я с удивлением обнаруживаю, что песня про сени не была придумана специально, чтобы морочить голову, она действительно была важной частью традиционного уклада. Тем временем Галина Павловна командует петь дальше — о курочке, о ягоде -малине, шуточно-плясовую «Бока мои, бока». К каторжной песне «Осыпаются листья осенние» я уже поборолла неловкость и реагирую как опытный слушатель: посетовав на судьбу главного героя, которая почти всегда незавидна, расспрашиваю, насколько песня старинная и в какой ситуации исполнялась. В общем, сносно играю роль туриста, для которого три поколения семьи Фадеевых профессионально играют роль семейских староверов.

Мама Галины Павловны умерла десять лет назад и была настоящей староверкой. Сама Галина Павловна всю жизнь заведовала сельским клубом и в 1980-е годы руководила большекуналейским фольклорным ансамблем, который успешно гастролировал по Америке и Европе. Людмила работает в одной туристической фирме в Улан-Удэ. Ее младшая Надя оказалась дома случайно — она с восьмого класса живет за границей, сейчас учится на менеджера по туризму в Голландии. Старшая дочь Наташа недавно вышла замуж и уехала в Израиль. Все они считают себя семейскими, хотя и оговариваются — «мы хранители, а не носители традиции». В отличие от многих других семейских, давно потерявших связь с родовыми привычками, Фадеевы научились конвертировать эти привычки в эксклюзивное туристическое предложение.

«Готовились к смерти заранее, лет с сорока: долбили домовину, смеретной одеждой запасались. Положено было покойника в пелену заворачивать и тесьмой обвязывать, — перехватывает Людмила роль ведущей. — Я

бабушке три раза чемодан перебирала. Она увидит новую ткань: «Ой, бравый материал, купи-ка ты мне его на пелену». Ей то одна ткань понравится, то другая. Приходилось покупать. И тесьмы метров десять ей купила. Сейчас-то я понимаю, что так и должно быть». Я немного завидую староверам, вся жизнь которых была расписана по обрядам.

«А на гроб положено было атлас класть, — продолжает Людмила, осведомившись, не пугает ли меня такая тема. — Придут с похорон и обсуждают: «У них-то плохой был атлас, а вот у тех-то браво хоронили». Ну семейские, что тут поделаешь!» Последнее замечание у всех троих вызывает бурный смех, как будто они и сами ничего не могут поделать со своим семейским происхождением. «И главное — как голосили! Так нигде не голосили, как в Куналее. Похороны считались бравыми, если все ревели». Моя хозяйка смягчает, пришепetyвает, и у нее получается «вще ревели»: изображая односельчан, Людмила без предупреждения переходит на семейский говор с его характерными словами и произношением. Как и другие составляющие культуры старообрядцев, он частично сохранился с допетровских времен, частично впитал польский, чуть изменился за время жизни рядом с сибирскими старожилами и бурятами и сегодня оказался на грани исчезновения. Видно, что семейский говор служит Фадеевым для «внутренних» целей: на нем говорят тогда, когда хочется связать снова разъехавшуюся по всему миру семью, почувствовать себя семейскими. В разговоре с чужими у них хорошо поставленная русская речь.

В разгар веселья за окном прыгает корова. Проследив мой взгляд, Людмила говорит: «А, коровы? Да они у нас тоже семейские!» — и вызывает новый приступ смеха у присутствующих. Настоящий семейский не пропустит повода посмеяться над своей семейскостью. Людмила с Галиной Павловной уходят в кухню, откуда иногда слышны возгласы: «Мама, орешник у вас где? А колбасу достали?» Людмила называет маму на «вы», Надя Людмилу — на «ты».

Станушка — рубаша из двух частей. Верхняя шилась, как правило, из китайского шелка: она была видна из под сарафана и фартука. На нижнюю шел хлопок или другой, более грубый, домотканый материал. Польский воротник скреплялся специальной брошкой. По плечам и краям рукавов часто делали фигурный шов. Скорее всего, он заменял вышивку, принятую на европейской территории России, где старообрядцы жили до переселения в Забайкалье

Садимся за стол. На столе «ничего покуп ного, кроме водки»: своя свинина с картошкой, самодельная колбаса, маслята, блины с земляникой. Галина Павловна рассказывает, как впервые по пробовала сахар в 1954-м. «Моей бабушки сватья, бабушка Ненила, позвала нас в гости. Блюдец не было, она достает сумочку и горстью раздает гостям. Я маленькая, мне тоже охота. Бабушка разделила кучку и мне отодвинула». Настоящих сладостей до 1950-х не ели. В качестве лакомства ели толокно — толченую и запеченную в печке муку с солью («Верх совершенства!» — говорит Людмила), солодуху — сладкую похлебку из пророщенной пшеницы с мукой («Это очень вкусно, даже я успела попробовать», — говорит Надя), солوماتъ — ту же муку, заваренную с водой и обжаренную в масле. В лес ходили за саранками — сладковатыми луковичками лилий, а в огородах поздней осенью срывали бульбешки — ягоды, которые образуются на стебле картофеля. «Они же ядовитые!» — вскрикиваю я. «А у нас иммунитет,— говорит Людмила, и все смеются. — Ничего слаже бульбешек мы и не ели».

Фадеевы хорошо понимают, что нужно типичному туристу, приехавшему с запада, а значит, наверняка потерявшему связь с почвой и корнями. Людмила опубликовала в интернете объявление: «Вы побываете в гостях у семьи староверов, сохранившей всю подлинность и самобытность культуры своих предков». Мол, будем рады, приезжайте. Так я к ним и попала. Никакого прайс-листа, разумеется, цена оговаривается по телефону. Местные турфирмы тоже предлагают клиентам посетить семейские деревни, потихоньку раскручивая вариант «домашнего» туризма. Погружение в семейский быт — его главный козырь. И я рада узнать всю правду про сладкие бульбешки, хотя турист-то я не настоящий, у меня совсем другие задачи: меня интересует костюм семейских.

Сбривая бороды и укорачивая платья на европейский манер, Петр I специальным указом предписал «раскольщикам» оставаться в старой одежде, чтобы можно было сразу вычислить противников реформ. Следующие триста с лишним лет староверы, где бы они ни находились, усиленно ограждали себя от чужого влияния. От приютивших их в XVII веке поляков, от соседей XVIII–XIX веков — бурят и даже от всепроникающей советской власти еще столетием позже. Этнографы, посещавшие местных жителей всего лет пятнадцать назад, рассказывают об огромных янтарях, которые, по преданию, хранили с допетровских времен. О строгих запретах на табак и алкоголь. О том, как семейские угощали гостей из отдельной посуды и старались избежать прививок («антихристовая печать»). О том, как верили в магию вещей («без колечка корову грех доить»). И о том, что чуть ли не в каждом доме хранился сундук со старинной одеждой — семейским костюмом. Сами семейские любят говорить, что их одежда и есть тот настоящий русский костюм, который «на Западе» (в европейской части России) сначала испортился, а потом и вовсе исчез. Для них вообще допетровское и значит настоящее. Мне как раз интересно, как выглядит настоящий русский костюм, переживший и Петра Великого, и СССР, и глобализацию.

Принято думать, что в традиционной одежде никакого китча быть не может — мол, древность канона

гарантирует продуманные детали и гармоничные цветовые сочетания. А глянешь на феерический костюм семейских, кажется, что они намеренно собрали и довели до абсурда самые расхожие клише о разлюли малине с балалайкой и бабой на чайнике. Такое нарочитое смешение цветов и фактур придумать трудно.

Любой начинающий дизайнер знает классические правила сочетания цветов и следит, чтобы цвет непременно повторялся в разных элементах одежды. У семейских все принципы обратные: цвет повторяться не должен и чем больше цветов, тем «бравее». На шелковую рубашу яркого цвета надевается пестрый сарафан с нашитыми на него атласными лентами трех других цветов. Затем шелковый фартук пятого цвета, тоже с лентами. Поверх всего можно накинуть разноцветный платок-атлас. На голову замужняя женщина непременно надевала специальную шапочку с небольшим рогом спереди — кичку. А поверх кички наматывала еще один платок с пришитыми к нему бусинами и искусственными цветами.

Семья Фадеевых готова показать все, что накопилось за 150 лет в их сундуках. На Галине Павловне самый представительный ансамбль: ярко-розовая рубаша, черный сарафан в красных розах, зеленый фартук с лентами, на голове кичка, обвязанная оранжево-фиолетовым платком и украшенная блестящими бусинами и цветами. Вместо традиционной запонки у ворота большая блестящая брошка а-ля «Черкизон». И конечно, янтари. Двухсотлетние, помутневшие, они тянут килограмма на полтора. «Вам, наверное, очень тяжело, — говорю я, показывая на ожерелье. — Может, снимете?» — «Да ничего, — отвечает она и неожиданно поясняет, — раньше с непривычки было тяжело, а теперь я их часто надеваю».

1. Надя — младшая в семье Фадеевых (фото вверху) — живет в Голландии, учится на менеджера по туризму. Она носит народный костюм и поет семейские песни только на каникулах
2. «Круглые» сарафаны — большой кусок ткани собирали под грудью мелкими складками — были рабочими и праздничными. Рабочие шили из плотных темных тканей без рисунка. Праздничные — из покупных тканей ярких расцветок, как правило, в крупные

цветы. На сарафан пришивали шелковые ленты разных цветов. Ленты — главный расходный материал: на одежде семьи Фадеевых их меняют раз в несколько лет. Фартук мог быть однотонным или цветастым и тоже украшался разноцветными лентами

Фото: www.lilaleemcrightrealty.com

Я поражаюсь размерам украшений, но Галина Павловна меня успокаивает: «Такие большие ожерелья были только у богатых семей, а бедные весь год работали, чтобы маленькую янтаречку купить. У нас тут много базедовой болезни было, и на девочек старались с младенчества надевать янтарь. Чтобы щитовидка здоровая была». На место традиционных суеверий в XX веке пришли сложные медицинские соображения — щитовидка, базедова болезнь. И это новая магическая реальность: янтари продолжают работать оберегами, хотя и принимают вид народной стоунтерапии. Услышав, что мы говорим о янтарях, Людмила выглядывает из кухни: «Семейские любят, чтобы поярче. На моей памяти еще было, когда пошли новогодние елочные бусы, их по праздникам надевали на себя вместо янтарей». Галина Павловна добавляет: «А когда уже фольклором начали интересоваться, снова янтари надели».

От повседневной привычки носить тяжелый костюм семейские благополучно избавились в 1950-е. Фадеевы показывают мне фотографию 1954 года, на которой две женщины одеты в традиционный костюм, а одна уже в городское цветастое платье. Людмила выходит из-за шкафа в рубаше-станушке и наглядно показывает, почему старoverы долго не могли перейти на городскую одежду. Рубаша выглядит как обычное платье — розовый шелковый верх, черный хлопчатобумажный низ. А в одной станушке ходить неприлично, так что городское платье воспринималось как позорное нижнее белье, поверх которого еще полагалось три слоя одежды.

В 1980-е костюмы вернули из сундуков в шкафы и стали надевать, чтобы выступать в фольклорных коллективах перед иностранными гостями, которых в семейских селах выгуливала местная администрация, а еще перед тележурналистами, которые до сих пор пасутся у староверов, истекая сладким сиропом на предмет «не забытых обычаев наших предков».

На дверцу шкафа Людмила вешает браные пояса — сотканые из разноцветных ниток с геометрическими орнаментами. «Мастерство утрачено», — комментирует она. Мне приходится поспорить — московские рукодельницы, помешанные на всем древнеславянском, давно восстановили технику браного ткачества и делают пояса в промышленных объемах. Забавно, что эта волна «западной» моды сюда, судя по всему, еще не дошла.

Я уже успела мельком увидеть семейский костюм чуть раньше у отца Сергея, когда посещала его забавный Музей истории и культуры старообрядцев в районном центре Тарбагатай. Наряду со сложенными в углу черепами древних животных (к семейским они отношения не имеют, просто отец Сергей по-любительски воспроизводит матрицу краеведческого музея: геология, палеонтология, антропология), с деревянными маслобойками и чугунными вафельницами в музее обнаружилось целые залежи семейской одежды. Открывая для меня шкафы и сундуки, отец Сергей гордо комментировал: «Семейские хорошо одевались, лучше, чем на Западе. У них хлопок носили, у нас — шелка, там в лаптях ходили, у нас — в кожаных ичигах...»

Курмушка — верхняя женская одежда, длинная куртка, простеганная с овечьей шерстью. «Еще до Петра такие носили», — сказал отец Сергей и ловко разложил курмушку на полу, чтобы я увидела, ее крой «солнце».

1. Курмушка — женская верхняя одежда. Приталенная, со сборками на спине, она шилась из китайского шелка.

Старообрядцы считают, что ее крой сохранился с допетровских времен. А ученые, сравнивая курмушку с верхней одеждой других народов Забайкалья, не находят серьезных отличий и поэтому предполагают, что эту часть наряда семейские позаимствовали у новых соседей уже в Сибири

2. В 1950-е еще не все семейские

перешли на городское платье (фото внизу). Из семейного архива Фадеевых

Надевать на себя курмушку батюшка наотрез отказывается («Что ж я в женском фотографироваться буду!»), но когда приходит черед мужского халата, с готовностью напяливает его поверх своей пуховой куртки, чтобы продемонстрировать, как надо носить: без рукавов. Вдевать руки в рукава полагалось только в церкви. Отец Сергей радуется, когда о нем пишут журналисты, — ему нужно популяризировать музей. Так что он мечет из сундуков сарафаны, рубахи, платки и тулупы, но рассмотреть вещи как следует мне не удастся — батюшка спешит в город, его пригласили на бурятский праздник.

У Фадеевых я могу, наконец, потрогать и разглядеть костюм и главную гордость семейских — яркий шелковый платок-атлас. Контрастных оранжево-фиолетовых цветов с ампириными гирляндами, цветами и вазонами.

Людмила рассказывает, как к ним приезжала делегация от ЮНЕСКО, делала экспертизу вещей и признала ткань настоящим лионским шелком: «Эти атласы наши предки везли с Запада. Их каждый день не носили, да и качество было соответствующее, поэтому они сохранились».

Мне очень интересно, как европейский платок оказался самым ценным предметом костюма забайкальских староверов. Пытаясь разгадать, каким путем атласы попали к семейским, я уже после возвращения из Большого Куналея списалась с Сарой Розенбаум, владелицей винтажного магазина ChezSarah в Сент-Уэне под Парижем. Через ее руки проходят километры старых тканей и не узнать лионский шелк она бы не могла. «Я такого никогда не видела, — ответила мне Сара, — и я не думаю, что это ткань французского

производства». В процессе поиска я обнаружила, что такие же платки носили по всему северу России — архангельские городские барышни, мезенские староверы и даже прикамские удмурты. Отбросив версию об индийском шелке, который привозили в Россию северным торговым путем еще со времен Алексея Михайловича, я в конце концов докапываюсь до истины. И она оказывается весьма прозаичной: именно эти шелковые платки в начале XX века производила одна из ткацких фабрик Богородского уезда. Ныне ОАО «Павловопосадская платочная мануфактура».

Принцип, по которому одинаковые платки носили на одних территориях и не носили на других, оказывается экономическим, а вовсе не этнографическим: они стали частью народного костюма там, где жили более богатые крестьяне, способные купить дорогой платок. Потому что крестьяне вообще предпочитали покупную ткань — однозначно «красивую», в отличие от бледных домотканых изделий.

Именно поэтому бабушка Людмила никак не могла выбрать себе «бравую» ткань на похоронную пелену: слишком много красивого появилось в магазинах, пока она успела состариться. С тех пор пирамида ценностей аккуратно перевернулась: сегодня хенд-мейд относится к дизайну и ценится гораздо выше многотиражного производства. Чем, слава богу, учатся пользоваться потомки тех самых богатых крестьян.

Нельзя сказать, что покупные платки испортили русский костюм. Потому что вся его история — это история заимствований и переименований. В Забайкалье русскую рубашку с польским воротником шили из китайского шелка, а у бурят научились носить ичиги. Можно еще вспомнить, что сарафан в переводе с фарси означает «почетная одежда». Но все это никогда не имело значения. Разного происхождения элементы могли прекрасно сочетаться и восприниматься как исконно русская одежда.

Можно ли все это назвать китчем? Кажется, нет. Потому что такое понятие существует в совсем другой системе координат. В той, где существует также представление о стиле, да и цвет обязательно должен повторяться.

Халат большую часть времени носили как накидку, придерживая за специальные петли. Руки в рукава продевали, только когда шли в церковь

Напоследок интересуюсь, остались ли в селах настоящие семейские — те, кто до сих пор следует традиции: носит янтари или повязывает пояс. Услышав вопрос, Галина Павловна поворачивается к Людмиле и говорит: «Тетя Таня до сих пор ночную рубашку подпоясывает». И мне: «Это моя тетя, ей 95 лет. Она сильно болела лет двадцать назад, и ее уже пришли справлять. А после этого нельзя ничего есть три дня, только воду пить. Вот она пила воду, пила и выздоровела. До сих пор живет со своими детьми, внуками и правнуками». Я уже мечтаю увидеть тетю Таню и, конечно же, ее сундук. Но Людмила быстро пресекает: «Они вам ничего не покажут, даже и не мечтайте. Вот к нам приезжают и говорят: «А мы думали, вы, как Лыковы, живете». Но ведь к Лыковым вы так просто и не попадете, как к нам!» Сопоставив чрезмерно скорую реакцию Людмилы с тем, как Фадеевы, словно те самые, настоящие староверы столетней давности, предлагали мне чай и по всему дому искали стакан, из которого я уже однажды пила, вспомнив отдельные интонации и общую

вежливо-отстраненную манеру наших разговоров, я понимаю, что увидеть тетю Таню шансов нет. Мне это даже начинает нравиться: в категорическом нежелании показывать лишнее и кроется аутентичность моих хозяек. Потому что свой или чужой — главная характеристика человека в системе идентификации семейских. Будь он каким угодно любителем старинного текстиля.

Чем больше людей хотят увидеть настоящий традиционный уклад, тем сильнее этот уклад разрушается. Семьи, подобные Лыковым, до сих пор живут и в забайкальской тайге, и на Алтае, и в Хакасии. Только они вряд ли будут надевать праздничные костюмы и петь старинные песни для туристов. А те, кто готов спеть, уже требуют за это справедливую плату.

Недавно приезжал один московский журналист, хотел снять свадьбу. «Но сейчас просто так никто не пойдет играть свадьбу, — говорит Людмила. — И за двести рублей не пойдут. В советские времена все шло на энтузиазме. Мама была директором клуба, я — старшей пионервожатой, партия сказала «надо» — и все. Это никак не оплачивалось, мы иностранных туристов встречали, вывозили их на природу, им пели, плясали, водили хороводы». Сейчас другое дело. Хочешь сыграть семейскую свадьбу — заплати. За последние лет тридцать кто только не был в гостях у семейских. Туристы от администрации, туристы по зову сердца, ученые, съемочные группы разных киностудий. Все они порядком поднадоели, энтузиазм закончился, и теперь никакой пользы от посещения журналистов семейские не видят.

Там, где сейчас находится информационная доска для туристов, в которой говорится, что здесь начинается (а для меня уже заканчивается) территория старообрядческих сел, Министерство культуры Бурятии собирается строить специальную этнографическую деревню семейских, а рядом — такую же, но бурятскую. «Десять лет назад был первый поток туристов, и мы их хорошо принимали, но когда наши власти решили, что это потенциальный заработок для них, они взяли дело в свои руки и хотят запустить массовый туризм с посещением семейских. К сожалению, мы приглашение на работу от них не получали», — написала мне Людмила уже после того, как я вернулась домой. В этнографическую деревню свезут старые дома и сделают пригодными для проживания туристов из города. Организуют выступление хоров, откроют ресторан. В общем, будут инсценировать семейскую жизнь. Еще более профессионально, чем Фадеевы, а значит, уже без настоящих историй про тетю Таню или бабушку Ненилу. Вполне закономерная и, кажется, заключительная стадия отчуждения семейских от их прошлого.

Наталья Конрадова
Иллюстрации Ирины Батаковой

Автор: Артур Скальский © Вокруг Света ОБЩЕСТВО, МИР 5763 18.07.2012, 10:04 905
URL: <https://babr24.com/?ADE=107227> Bytes: 23110 / 22354 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)